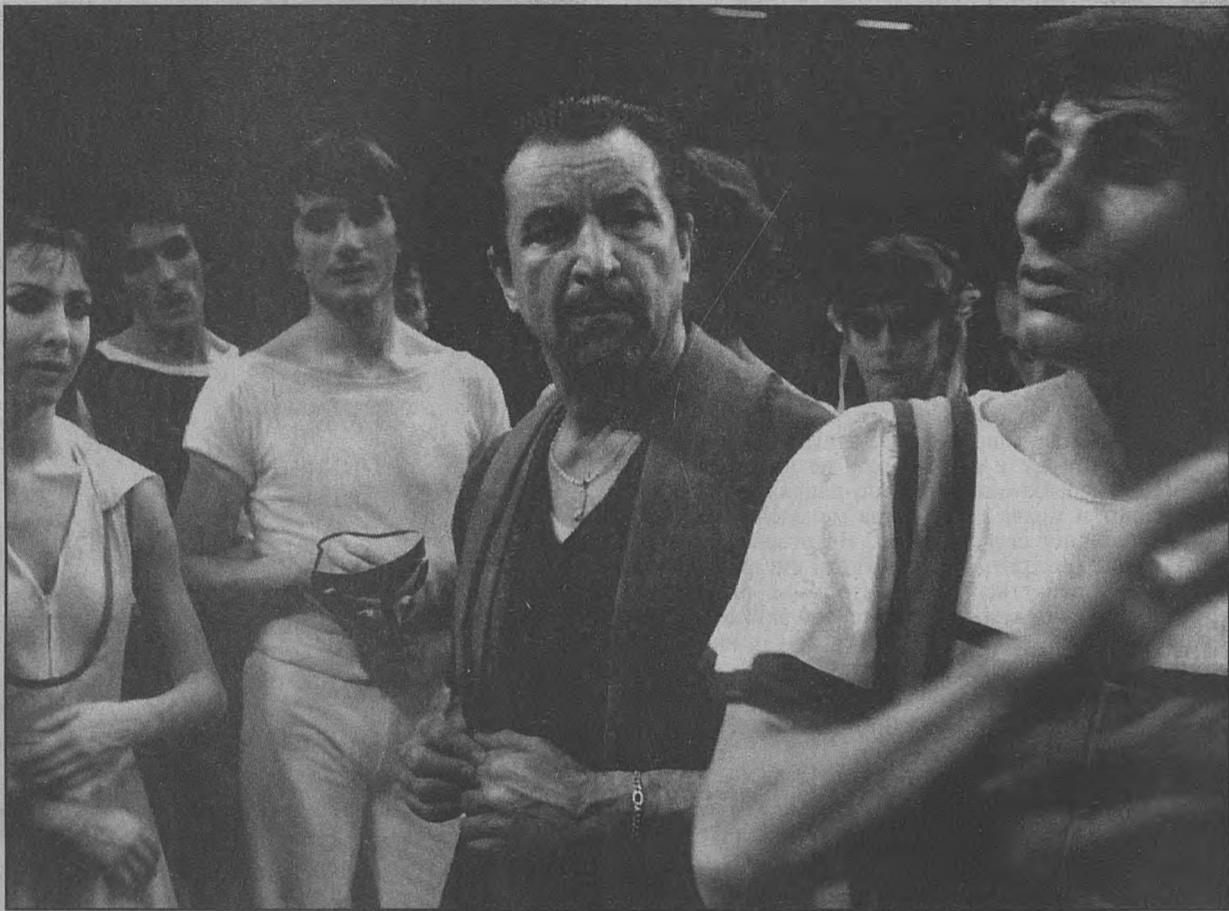

УМИРАЮЩИЙ ЛЕБЕДЬ ПРОГРОМЫХАЛ КОНСЕРВНЫМИ БАНКАМИ

Гастроли труппы М. Бежара.
Большой театр и Кремлевский дворец

Триумфальные гастроли труппы Мориса Бежара, потрясшие Москву 20 лет назад, оставили в воспоминании балетоманов блестящие спектакли. А в 1987 году, забыв обо всем на свете, московские паломники осаждали Мариинку. Нынешних гастролей ждали как манны небесной, небеспочвенно задаваясь вопросом «Неужели приедет?» Накануне спектаклей мэтр дал пресс-конференцию в гостинице «Азростар».

— Меняетесь ли вы, господин Бежар?

— Жизнь — постоянная эволюция. Я отношусь к себе как студент, который каждый день познает новое. Я представляю все школы, использую возможности каждой. Я не люблю расизма в балете.

— Что для вас музыка?

— Вся моя жизнь — своеобразное путешествие в мир музыки. Я проявляю интерес ко всем направлениям. Тридцать лет назад я создал балеты на джазовые композиции, в балете «Бодлер» использовал композиции группы «Пинк фloyd».

— В вашем последнем спектакле вы затрагиваете проблему СПИДа...

— Авторские права на спектакль будут переданы в фонд по борьбе со СПИДом, туда же пойдут и сборы со спектаклей.

— Какие требования вы предъявляете танцовщикам?

— Танцовщик должен уметь адаптироваться к разному стилю, эпохе, музыке. Необходима раскрепощенность духа и техники.

— Надеваете ли вы сегодня балетные тапочки?

— На публике, конечно, нет. А в студии не далее чем вчера я проводил в них репетицию.

— Как родился спектакль «Мутации» («Метаморфозы»)?

— Это все-таки оптимистическое видение современного состояния нашей погибающей планеты. Я никогда не теряю надежды. Ведь и в моем спектакле «Ромео и Юлия» впервые в истории герои не умирали. Наверное, я наивный оптимист.

— Хорошо ли вы знакомы с русской культурой?

— Знаю и литературу, и музыку. Я обучался танцу у русских педагогов: у Егоровой, Кшесинской, Преображенской, мадам Рузанн. В Лондоне работал с Николаем Сергеевым, который был ассистентом Петипа. Он показывал мне книгу, написанную о работах Мариуса Петипа. И я единственный хореограф, кто знает настоящую хореографию «Спя-

щей красавицы». И не порываю с традицией.

— Как вы восприняли смерть Улановой?

— Это не только великая танцовщица, но и экстраординарный человек. Когда я делал спектакль «Ромео и Юлия», она приезжала и работала над моей хореографией. С Хорхе Донном и Максимовой.

— Как вы представляете будущее танца?

— Я не ясновидящий. Но думаю, что все идет к слиянию стилей. Новаторство было за русскими. И новый, современный балет создал тоже Баланчин. Очень современен Форсайт — американец, который живет во Франкфурте. Но и его современный танец использует традиции классической техники.

Ажиотаж, как и прежде, был страшный. Билеты даже по безумным ценам были распроданы, а у спекулянтов, скупивших их пачками, они стоили от 100 до 500 долларов. У дверей Большого была выставлена мощная охрана: «просочиться» было никак невозможно. Проблем не было, видимо, лишь у новых русских: приобрета билеты в партер на столь престижный балет, они решили, что на спектакль можно прийти в любое удобное время. Опоздав, они чуть ли не выламывали двери партера с дикой бранью в адрес билетеров и театра и, добившись своего, долго усаживались, когда спектакль уже был в разгаре.

К сожалению, не могу сказать вслед за Леру и Бежаром, что «Дом священника не потерял своего очарования, а сад — своей роскоши». Изменился Бежар — постановки стали откровенно похожи на шоу, а иллюстративность превалирует в их одномерности. Настоящих солистов-звезд ныне у Бежара нет. Показалось, что Бежара теперь это почему-то мало заботит. И даже ветеран труппы Жиль Роман, который благодаря своему мэтру просто превзошел сам себя, тем не ме-

нее не становится вровень со своими предшественниками. Не тот масштаб личности. Может быть, поэтому не было того зрительского успеха, как двадцать лет назад, когда обезумевшая толпа заваливала цветами подмостки так, что в антракте сцену приходилось мести метлами.

И все-таки Бежар не был бы Бежаром, если бы в его спектаклях не было никакой идеи, магнетизма, интересных сцен и «ходов». «Мутации» (в нашем переводе — балет «Метаморфозы») — месса по по человечеству, обреченному на вымирание из-за экологической катастрофы. Первая сцена — люди в противогазах, их танец — мутация геометрической гармонии классических «теней» Мариуса Петипа. Умирающего лебеда, увешанного консервными банками, можно воспринимать и как экологическое глумление над птицей, и как утрату чистоты традиций балетного академиизма. И вот люди уже поднимаются на борт корабля, который унесет их в неизвестность. На Земле остается только один человек. Иллюзорно оптимистический финал: герой с девочкой на руках, словно Богородица с младенцем, в безмятежном море цветов.

«Дом священника» — гимн любви, «крик отчаяния молодежи, для которой проблема смерти, вызванная любовью, становится еще одной среди других». Балет посвящен известному танцовщику Хорхе Донну и солисту группы «Queen» Фредди Меркьюри, погибшим от СПИДа. Но это спектакль о надежде: «Шоу должно продолжаться». Появившийся на экране Донн в роли Нижинского «опустил» всех присутствующих на сцене на планету, находящуюся лишь в начале своей цивилизации.

Атрибут эстетики белого цвета спектакля — простыня. Как ложе любви, как саван, как земная купель. И «белый куб», где сплелись тела в клубок прекрасной бунтующей плоти.

Александр ФИРЕР.